

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 81

Б.Р. Рахманов*Российско-Таджикский (славянский) университет**Душанбе, Республика Таджикистан*

rbrregar@mail.ru

**К ВОПРОСУ ОБ ОЦЕНКЕ
ПЕРСИДСКО-ТАДЖИКСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИМИ ОРИЕНТАЛИСТАМИ (А. ЖУРДЕН)**

**[*Rakhmanov B. On Western European Orientlists (A. Zhurden) estimate
of Persian-Tajik literature*]**

Excerpts from A. Zhurden research «On Persian language and literature (1814), translated into Russian by anonymous translator and published in “Vestnik of Europe” journal in 1815 are analyzed. This paper has played an important role in eastern literature adjusting to Russian romanticism. Special attention is paid to A. Zhurden views to Persian language linguistic features – imagery, symbolism and philosophic, the peculiarities of Persian verse are considered as well. It is noted that translator shows conventional romantic perception of the East, i.e dreams on violent passion, Kaleidoscope of colours and fantastic world of sounds. Advantages of A. Zhurden research are in showing deep knowledge of Persian-Tajik poets the life and work – Ferdowsi, Anvari, Attar, Saadi Shirazi, Rumi, Khusrau Dihlavi, Hafiz, Jami, and poetry genres (qasida, gazelle, masnavi).

Key words: Persian-Tajik literature, aesthetics of European romanticism, A. Zhurden, Western European Orientalism, Russian-Eastern literary connection.

Конец XVIII – начало XIX века характеризуется обширным освоением Востока, является важным этапом в становлении отечественного востоковедения и создания обширной системы востоковедческого образования, что связано с торгово-экономическими и политическими отношениями России и стран Востока, с одной стороны, с другой – с романтическим освоением ориентализма русской литературой. Русский романтизм во многом формировался под воздействием эстетических связей России и Запада и не может быть осмыслен и исследован вне учета этих связей. Одной из работ европейского ориентализма, оказавших влияние на русское востоковедение, является исследование о персидской литературе Амабля Луи Марии Мишель Журдена

(фр. *Amable Jourdain*, 1788–1818) «О языке Персидском и словесности», которое было переведено с французского языка («*La Perse ou Tableau de gouvernement, de la religion et de la littérature de cet empire*» (1814) – «Персия, или Описание управления, верований и литературы этой империи»). Отметим, что труд Журдена содержит множество сведений, описаний местности и городов, различного рода достопримечательностей. Сама статья не является полным переводом научного труда Журдена. В названии труда А. Журдена говорится о содержании исследования – государственное управление, религия и литература. Переводчиком же был отобран только литературоведческий материал, который способствовал пропаганде персидско-таджикской литературы. Статья посвящена персидской словесности – особенностям языка и литературы, в ней даны характеристика творчества известных персидских поэтов, представления о культурно-историческом наследии Персии.

Перед началом разговора о восточной словесности А. Журден, приводя в пример остроумный вымысел жителей Востока о библейской интерпретации изгнания Адама и Евы из Эдема, выделяет лингвистические особенности трех восточных языков: арабского, персидского и турецкого. Змей, прельщая Еву, «употребил язык арабской, сильной и убедительной» [2, с. 29]. Ева общалась с Адамом на персидском языке – «исполненном прелестей, нежности, на языке самой любви» [2, с. 29]. Гавриил напрасно употребил арабский и персидский, изгоняя Адама и Еву. Тогда он заговорил на турецком языке – «страшном и гремящем подобному грому». «Едва он начал говорить на оном, как страх объял наших прародителей, и они тотчас оставили обитель блаженную!» [2, с. 29]. Этот пример демонстрирует фонетические особенности восточных языков, среди которых автор выделяет мягкость и звучность персидского языка. И, думается, не случайно. Ведь романтизм, в противовес классической подражательности и поклонению античному, провозгласил принцип индивидуальности и самобытности литератур. Имея индивидуальные черты, связанные с фонетическими особенностями языка, литературы народов Востока самоценны и самобытны. Остановившись на благозвучии и поэтичности персидского языка, сравнив его с итальянским, автор обращает внимание на мягкость звучания и возможность передачи переживаний и чувств: «...и этот и другой обладают сладостию, нежностью, гармониею, пленяющею слух; оба способны к изображению страстей кротких, фигур прелестных, красот натуральных» [2, с. 30].

Обратил исследователь внимание и на другую особенность персидского языка: «...писателю позволяется употреблять слова составные» [2, с. 30], выделил порядок слов в предложении: глагол расположен в конце фразы, что имеет достоинство – дает многословность или краткость выражения, и недостатки – исчезает твердость звучания, преобладает неестественная напряженность.

Рассуждая об отсутствии критики в персидской словесности, Журден указывает, что жителям Востока характерно стремление к необычному: «Они любят удивлять, а не быть понятными» [2, с. 33]. Восточный человек предаётся мечте и обладает неограниченным воображением: «...до излишества предаются увеличиванию идей, нелепости метафор сумасбродных, странности фигур несвязанных, наконец всякому беспорядку воображения живого, блистательного и незнающего никаких правил» [2, с. 33]. Этот момент соответствует общепринятому романтическому восприятию восточного человека. Если Запад связан с разумом и рациональным познанием, то Востоку характерны мечты, бурные страсти и грезы. В погоне за мечтой восточный человек создает фантастический мир, воображение уносит его далеко от реалий.

Высоко ценится Журденом образность и звучность слога, рассмотрена им многозначность слова и символика восточной литературы, характерная ей некая философичность и иносказательность: «...с жадностью ищут случая играть словами, или употребить выражение необыкновенное и имеющее множество значений» [2, с. 33].

Много внимания уделено поэзии, которую «обработали с величайшим успехом», и персов влечет природная склонность к стихосложению. Назвав поэзию божественным искусством, персидские поэты сравнили прозу с естественной красотой молодой девушки, «а Поэзию с украшениями, придающими сияние ея прелестям» [2, с. 36]

Метафоричность и образность персидского языка способствуют искусству «располагать перлы и писать стихи». Жемчужины слов и красивые мысли дают картины возвышенные: «Перлы суть слова избранныя, идеи прелестныя и блистательныя, изображения благородныя, сладкия, сильныя, или высокия» [2, с. 36]. В результате лирическое произведение персидских поэтов представляет собой жемчужное ожерелье, которое тем ценнее, чем больше «стихотворец употребил искусства и дара» [2, с. 36]. Персидская словесность есть «разсадник роз и прекрасных цветов», из которого европейские ориенталисты обращают вни-

мание на маленькие букетики, хотя многие творения персидских поэтов достойны перевода на европейские языки. В этом нашла отражение принципиальная точка зрения романтиков: факт существования литературы восточной, не менее древней, чем античная, которая достойна изучения и подражания.

А. Журден более подробно говорит об особенностях персидского стиха: «Стихотворство Персидское имеет совсем отличительный характер» [2, с. 37]. Ведь если арабская поэзия отличается силой и мужеством, изображением страсти и высоких чувств, идей отвлеченных, то персидской поэзии характерна гармония. Привлекательная гармония персидского стиха выражена в насыщенности словосочетаний и богатстве языка: «Нельзя упрекать его в краткости, за то оно впадает в напыщенность и многословие прелестное...» [2, с. 37]. Гармонии персидского стихотворства характерно богатство украшений, великолепие слога, красота слова. Отмечая достоинства персидского стихосложения, Журден указывает и на общий недостаток восточного стихотворства: «Заслуги Персидской Поэзии состоят почти в одних мыслях, в подробностях, но не в составлении целого, и притом такого, которого бы части были искусно расположены и зависели бы одна от другой» [2, с. 37].

Журден заключает сведения о персидской поэзии мыслью об обогащении европейской культуры достижениями восточной литературы: «Всякая словесность имеет свои особенные красоты, свой особенный характер: распространять о них сведения, значить обогащать собственный язык» [2, с. 38]. А восточная словесность может обогатить европейскую литературу новыми мыслями, некоторыми оборотами в выражениях. И в противовес классической литературе, набившей оскомину, европейскому и русскому читателю предлагается восточная литература, не менее ценная и богатая. Особенности персидской литературы – образность, многозначность и иносказательность языка, мечтательность и неограниченное воображение, звучность слога и образность могут обогатить европейскую литературу.

Эту точку зрения А. Журдена разделяют и переводчики избранных мест исследования французского востоковеда, которые познакомили русского читателя с ролью и значением восточной литературы.

Говорить о персидских поэтах Журден начинает с имени Абу-л-Касима Фирдоуси (*Фердусий* – А.Ж.): «Но знаменитейший из всех великих людей сего времени неоспоримо есть тот бессмертный Фердусий, которому Персия-

не одолжены своею древнею Историєю, в стихи переложенною» [3, с. 285]. На какие письменные источники опирался Фирдоуси при работе, неизвестно, говорит А. Журден, но, возможно, персы еще до нашествия арабов имели письменные сочинения о своей истории. На них и опирался Фирдоуси при написании «*Шах-Намеги*» («Шах-Наме»): «Наконец выступил на поприще Фердусий, и в орлином своем парении торжествуя над соперниками, составил бессмертную Поэму, которую многие, увлеченные более восторгом нежели истиною, равняют произведениям Гомера и Виргилия» [3, с. 286]. А. Журден в своей книге постарался ознакомить европейцев с биографией Фирдоуси: даны сведения о происхождении имени (*Фердеус* – рай); предание о сне отца; приход в Газну к *Анзарию*; история написания «Шах-Наме»; покровительство шаха Махмуда, сменившееся обвинением приверженности к секте Карматов; читатель узнает легенду об обмане с вознаграждением, о том, как распорядился поэт с 60000 драхмами и написал сатиру; о гневе Махмуда и бегстве поэта; о смерти Фирдоуси в безвестности.

Прошло время, меняются цари и династии, но не закатилась звезда Фирдоуси: «...Фердусий, и теперь еще юный, еще прекрасный, живет в памяти всего Востока; слава его, ярким светом сияющая, стоит непоколебимо, посреди многообразных развалин, подобная пирамидам, коих неразрушаемая огромность утомила всеокрушающее время» [3, с. 291].

Журден констатирует, что Фирдоуси удалось совместить в своем произведении все достоинства исторической поэмы, задавшись вопросом – в чем талант писателя, с чем связана такая известность его произведений? Древность описываемых событий или удивительность истории минувших веков? «Высокостию ли мыслей, богатством ли изображения, величию ли понятий, прелестию слога?» [3, с. 291].

Предмет произведения Фирдоуси пришелся по нраву персам, т.к. действующие лица – древние фамилии, и их потомки гордятся благородным происхождением: «Шах-Намега для Персиян сделался тем же, чем некогда для Греков были поемы Гомеровы – то есть архивами, в которых каждая фамилия искала истории своих прародителей» [3, с. 294].

Обращение к древнеперсидским источникам было преимуществом для Фирдоуси – его произведение включалось в число подлинных сочинений: «Поелику же качества материалов, употребленных Фердусием, были неизвест-

ны, то писатели новейших веков, предпринимая начертание древней Персидской Истории, по необходимости прибегают к сей одной поеме, и никаких свидетельств не принимают кроме в ней заключающихся» [3, с. 294]. Труд писателя вызывает удивление, поскольку для многих стихотворцев отечественная история в стихах была не по плечу. До Фирдоуси создать подобную книгу – стихотворное изложение истории Персии – пытались *Дакики* (Абу Мансур Мухаммад ибн Ахмад Дакики), *Анзарий*, *Азеди* (Абу Мансур Али ибн Асад из Туса) Если вспомнить о попытках предшественников создать поэтическое повествование о прошлом Персии, то, несомненно, часть работы Дакики «Шахнаме» была известна А. Журдену, как и отказы Унсуре и Асада Туси от поручения правителя сочинить подобное произведение.

Тридцатилетний итог труда Фирдоуси составляет 120.000 стихов, пишет А. Журден, прославляя автора за красивый слог, за чистый персидский язык: «...может быть слог столь простой ныне, в то время имел такая красоты, такая прелести, коих не может приметить вкус европейца», «... даже может быть сами Персы придали великое достоинство книги за то, что в ней очень мало употреблено слов Арабских, и что язык отечественный сохранился там в чистоте неповрежденной» [3, с. 295]. Эта особенность произведения Фирдоуси связана со стремлением персидского общества сохранить свою культурную независимость в период арабского нашествия, что проявлялось в творчестве писателей отказом от арабских заимствований, поднимаемых в персидско-таджикской литературе вопросов морали, поклонения разуму:

Журден знакомит читателей со следующим поэтом – *Анверием* (Аухадиддин Али ибн Вахидиддин Мухаммад ибн Исхак Анвари), с биографией поэта, с его приходом в литературное творчество. Славу Анвари принесло поэтическое воображение и произведения различных жанров: «Анверий упражнялся во многих родах стихотворства, и везде показывал блестящее и богатое воображение; особенно же оно торжествует в похвальных сочинениях» [4, с. 38]. Уступая Хафизу в газели, Анвари превосходит в касыде, Саади и Джамии: «Благодаря незаурядной фантазии, учености, совершенному владению языком и риторикой он поднял панегирическую касыду на недостигаемую высоту» [7, с. 195–196].

Европейскому читателю были неизвестны персидские лирические жанры. Положительной стороной работы Журдена являются объяснения и комментарии, например, о «роде сочинения, который у жителей Востока называется

Кассидегом» [4, с. 38]. Поэзия обязана своим происхождением чувствам, которыми живет человек. А поскольку у народов различные нравы и обычаи, история, то и словесность будет отличаться. Европейской культуре присуще некое сходство: в элегической поэзии встречается жалоба, ода – изображение сильной страсти, идиллии характерен умеренный слог, спокойствие и стремление к наслаждению. Восточное стихосложение отличается, пишет Журден: «...мне кажется, что их Поэмы получают разные названия не столько по слогу каким они написаны, не столько по чувствам которые в них изображаются, сколько по мере, порядку и числу стихов» [4, с. 38–39].

«Кассидег» включает в себя оду, идиллию и элегию. Схож с одой, «потому что прославляет подвиги, удовольствия любви, прелести красоты, и притом с восторгом свойственным сему роду Поэзии» [4, с. 39]. С идиллией их объединяет то, «что в сельских описаниях обыкновенно изображает чувствования тихия и красоты природы» [4, с. 39]. Как и элегия, «кассидег» «выражает горесть и сожаление, наконец употребляет иногда тон сатиры и пускает язвительныя стрелы насмешек и злости» [4, с. 39]. Касыда богата прекрасными сравнениями и риторическими украшениями, ей характерны философские мысли, приводящие писателей к суфийским рассуждениям.

После *Анвария* на небосклоне поэзии загорелась звезда – *Шейк Ферид един-Аттар* (Фаридидин Мухаммад Аттар) – поэт, приверженец учения суфиев, который охарактеризован Журденом как «строгий нравоучитель и вместе искусный стихотворец» [4, с. 40]. Журден ознакомил читателей с путем поэта к «созерцательному учению» (подразумевая учение суфиев): «По прошествии нескольких лет он предпринял путешествие в Мекку. Посвятивши остальные дни свои набожным занятиям, он провел семидесятилетнюю жизнь в собирании достопамятнейших примеров из истории Софиев и Шейков» [4, с. 41]. Аттаром оставлено более 40.000 стихов, лучшие произведения – «Жизнь святых» и «Монтах-Аль-Теир» («Рассуждения о нравственности»). «Строгость его правил касательно веры и нравственности до того простиралась, что его слова заслужили название бича духовного» [4, с. 42].

Журден останавливается на власти поэта над владыками Востока. Правители при себе держали ученых и литераторов, чтобы они оставили в истории их имена и деяния. При дворе Атабеков процветал знаменитый Шейх Абу-Абдаллах Мушаррифиддин (или Муслихиддин) Саади Ширази – *Сади Мослех-Ед-*

дин. А. Журден дал поэту оценку: «Глава Персидских нравоучителей, красноречивейший и благоразумнейший стихотворец на целом Востоке». Данные о Саади А. Журден дает по автобиографическому сочинению поэта о своей жизни: стремление к путешествиям и знаниям привели его в Багдад, Малую Азию, Египет и Индию, плен в Палестине. «Уверяют, что Сади четырнадцать раз путешествовал в Мекку» [4, с. 45]. В старости поэт удалился в монастырь и большую часть времени проводил в молитвах, придерживаясь учения суфиев, проводил время в размышлениях. Ученым сказано о Саади, как о кротком человеке, который любил быть в одиночестве и созерцании, но не избегал и людского общения, «наставлял своими правилами и восхищал красноречием».

Об учености Саади свидетельствуют знания всех восточных и латинского языков, интерес к философским трудам Сенеки. Но славу ему принесли морально-нравоучительные поэтические произведения. Стихотворения Саади у персов называются «солью поэтов». Полное собрание его сочинений «Куллиет», но только два произведения известны Европе и Востоку – «Гюлистан» («Страна роз»), «Бустан» («Вертоград») – «оба заключают в себя неиное что, как только нравственные рассуждения» [4, с. 48]. Журден дает характеристику произведениям Саади. «Гюлистан» состоит из восьми глав, которые посвящены нравам государей и людей благочестивых, умеренности желаний, пользе одиночества, любви и молодости, возрасту, хорошему воспитанию, обращению. «Гюлистан» состоит частью из прозы, частью – из стихотворений. «Везде в одном нравственность представляется в виде остроумных апологов, или исторических примеров, всегда оканчивающихся каким-нибудь мнением или правилом мудрости» [4, с. 48]. «Бустан» написан стихами раньше «Гюлистана» и состоит из 10 глав. В нем Саади рассуждает о правосудии и правлении государством, страхе и любви к Богу, благодеянии, великодушии и человеколюбии.

«Бустан» характеризуется Журденом многозначностью, строки проникнуты мыслью божественной: «Если в Бустане сочинитель открывает во всем блеске свой стихотворный дар; за то нельзя не заметить, что он чрезмерно предается наклонности к слогу таинственному, и что прелестные стихи его не могут награждать читателя за единообразие, за темноту выражений умствующей набожности и воображения разгоряченного любовью выпрених селений» [4, с. 49].

«Гюлистану» присущ простой язык, нежные чувства, логика мысли: «Напротив того Гюлистан написан слогом ясным и цветущим. Анекдоты в

нем любопытным, мысли справедливы, сильны, прелестны, нежны» [4, с. 49]. В стихах, усеявших сочинение, всегда заключена прекрасная мысль, в них автор не гонится за рифмой, отсутствует игра слов. Предмету изображения (назидание-поучение, возвышенно-божественное) соответствует высокий слог: «Каждый листок зеленого дерева для мудреца служит листком книги, в которой он научается бытию создателя» [4, с. 50].

В этом же веке два других поэта – *Джелал-Еддин-Руми* (Маулан Джалалиддин Руми) и *Хозру-Деглеви* (Яминиддин Абу-л-Хасан Амир Хосров Дихлави) – поразили современников «своими прелестными стихами и пламенным усердием к своей вере» [5, с. 109]. Редактор и переводчик данной статьи указывает в примечании на язык и стиль журденовских оценок персидских ученых и поэтов: стиль восточных подлинников, из которых автор почерпнул сведения, что хорошо заметно в оценке Руми: «Удалившись от мира, он погружался в обширное море размышлений, в совершенное уничтожение своего бытия и тогда только оставлял свое жилище, когда хотел открывать смертным священнейшие таинства духовности» [5, с. 111]. Руми заслуженно высоко оценен поэтами суфиями: «Ничто не может сравниться с той славой, какую Джелал-Еддин имел у Дервишей и Софиев» [5, с. 112]. Язык Востока с его многозначностью и орнаментальностью проявился в оценке Руми А. Журденом: «драгоценнейший бисер океана таинственности».

Особо почитается суфиями сборник его произведений «Маснави». «Выспренная книга, его собрание Мезневисов почитается совершеннейшим произведением из всех написанных в аллегорическом смысле учения Софиев...» [5, с. 112]. Журден пояснил европейскому читателю: «Мезневис есть двустишие, состоящее из стихов одинаковой меры, но таких, в которых рифмы находятся не на конце, а в середине на полустишие» [5, с. 112]. Далее говорится, что «*Месневисы*» для многих будут непонятны и для их восприятия необходим словарь, объясняющий смысл слов: «...Но сии Месневисы так темны, что их не возможно понимать без помощи лексикона, нарочно для них сочиненного и объясняющего смысл слов, находящихся в книге» [5, с. 112].

Сладостные звуки, восхищавшие Персов, позволили А. Журдену другого поэта – *Хозру Дехлеви* (Хосров Дихлави) – назвать *соловьем Деглийским*. О поэте, последователе учения суфиев, в статье сказано: «...*Хозру Дехлеви*, которого сердце, долго пламеневшее любовью плотскую, наконец погрузилось

в набожные восторги любви божественной» [5, с. 113]. Учение суфиев – познание Бога и тайн мироздания – является тематикой произведений *Дехлеви*: «Ни один стихотворец с такою прелестию, с таким жаром, с такою истинною не изображал сильнейшей из страстей, и восторгов души объятаго созерцанием Бога и тайнами существования» [5, с. 113].

Шираз – «Афины Персии» – дал миру в течение одного столетия двух великих поэтов. После *Сади* прославил Персию *Гафиз* – Ходжа Шамсиддин Мухаммад Хафиз, которого Журден уподобил Анакреону. Имя – *Могаммед*, прозвание – *Шелес-Еддин* (солнце веры), *Гафиз* – обозначает людей, знающих наизусть Коран. Примечательного в жизни *Гафиза* Журден не нашел: «Он был друг тишины и душевного спокойствия, следовательно, не хотел гоняться за богатством и благами всего мира» [5, с. 115]. Общению государей и правителей предпочитал общество монахов и дервишей. Благодаря Журдену, читатель знакомится с легендой о газели «Агар он турки Шерози...», пресловутой встрече *Темирлана* и *Гафиза*, и версиях ответа.

Хафиз признан чудом красноречия: в его произведениях часто идет речь о материях, труднодоступных читателю: «Он почти везде употребляет загадочные выражения и его слог носит отпечаток чувствований Факира: по сему самому дают ему название Лиссан-Елгариб, то есть язык таинственный» [5, с. 118]. За ясностью и простотой языка скрываются глубокие мысли, говорит Журден об особенностях произведений Хафиза: «...Слог его прост и ясен, навсегда заключает в себе важный смысл, глубокие и связные мысли» [5, с. 118]. Если это первая особенность стихотворства Хафиза, то о второй особенности – смысле стихотворений – имеются две точки зрения.

Первая связана с учением суфиев. Под символами любви и вина – чувственных удовольствий, Хафиз прославляет «благодеяния божества всемогущего», воспевает «пламенную любовь к Богу». Другие, напротив, прямо воспринимая слова поэта, признают его человеком, «предавшимся изступлению страстей» [5, с. 119], то есть видят в нем рынду, воспевающего любовь и вино. Эти точки зрения имеют право на существование, поскольку ряд стихотворений может быть воспринят как описание духовного состояния; в то же время в других строках Хафиз – остроумный собеседник с пылким воображением, воспевающий любовь: «... и в самом деле надобно признаться, что ежели некоторые фразы из его песней и могут быть истолкованы в духовном

смысле; за то находится безчисленное множество таких, которые не иначе как в смысле литтеральном должны быть понимаемы, и потому в глазах каждого благоразумного читателя Хафиз будет казаться имевшим пылкое воображение, остроумным безчинником, который в пламенном изображении любви часто равняется Анакреону» [5, с. 119].

В продолжении своей работы А. Журден знакомит европейского читателя с газелью и ее особенностями: «Газель есть род поемы, похожей на оду и песню» [5, с. 119]. Если обратить внимание на тематику (любовная, мистическая, панегирическая, философская – осмысление жизни и бренности бытия), то это многообразие тем и позволило исследователю сравнить газель с одой и поэмой. Отличается газель от «Касседега» объемом (не менее пяти двустиший, не более тринадцати) и содержанием, подачей материала: «Он не сходствует с Касседегом еще и в том, что в последнем стихотворец должен, не уклоняясь от своего предмета, наблюдать строгий порядок в предложении мыслей; между тем как в Газеле каждое двухстишие оставляет смысл полной; в нем можно переходить от одного предмета к другому, изображать мысли отдельно одну от другой» [5, с. 119]. Этот калейдоскоп образов и мыслей, характерный газели, позволил Журдену сказать: «Беспорядок воображения составляет главную красоту Газеля; в сем отношении он много походит на нашу оду» [5, с. 119–120]. Как видим, Журден поясняет европейскому читателю неоднородность стихов или смысловую дезинтеграцию, характерную газели.

Необходимо отметить, что по сравнению с исследованием И.В. Гёте в работе А. Журдена мы встречаем имена ученых (*Альбируни* – Абу Райхан Мухаммад ибн Ахмад Бируни, *Алфарабий* – Абу Наср Мухаммад ибн Мухаммад ибн Узлаг ибн Тархан ал-Фараби), больше имен писателей и поэтов: *Анзарий*, *Даккики*, *Азеди*, *Аттар*, *Козру Дехлеви*, *Али-Шир* (Мир Алишер Навои), *Джами* (Маулан Нуриддин Абдурахман Джами – персидский Петрарка, автор повести о Меджнуне и Леили), *Госсейн-Ваез* (Камалиддин Хусейн Ваиз Кашифи).

Подводя итог, отметим, что А. Журден, знакомя европейцев с трудами персидско-таджикских поэтов, старается дать оценку известных произведений, и по мере возможности пытается сохранить в работе особенности стиля и своеобразие языка источников. Читателю комментарии Журдена дадут представление об известности персидской поэзии среди арабов и тюркских народов, народов Кавказа и Индии.

Читатели отметят соответствия между восточными и западными поэтами. Так, в работе А. Журден сравнил Фирдоуси с Гомером, Хафиза с Анакреоном, Джамии с Петраркой. Если посмотреть работы А.А. Бестужева-Марлинского, то станет очевидно, что оценка классиков персидско-таджикской литературы в трудах европейских эстетов по ориентализму станет общепринятым правилом в русском литературном процессе.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бертельс Е.Э.* История персидско-таджикской литературы. Избранные труды. М., 1960.
2. *Журден А.* О языке Персидском и словесности // Вестник Европы. 81 часть. № 9, май 1815.
3. *Журден А.* О языке Персидском и словесности // Вестник Европы. 81 часть. № 12, июнь 1815.
4. *Журден А.* О языке Персидском и словесности // Вестник Европы. 82 часть. № 13, июль 1815.
5. *Журден А.* О языке Персидском и словесности // Вестник Европы. 82 часть. № 14, июль 1815.
6. *Журден А.* О языке Персидском и словесности // Вестник Европы. 82 часть. № 15. август 1815.
7. *Рипке Я.* История персидской и таджикской литературы. М., 1970.

REFERENCES

1. *Bertels E.E.* History of Persian – Tajik literature. Selected works. M., 1960.
2. *Jourdain A.* On Persian language and literature // Vestnik of Europe, part of the 81, number 9, May 1815.
3. *Jourdain A.* On Persian language and literature // Vestnik of Europe, part of the 81, number 12, June, 1815.
4. *Jourdain A.* On Persian language and literature // Vestnik of Europe, part of 82, number 13, July, 1815.

5. *Jourdain A.* On Persian language and literature // *Vestnik of Europe*, part of 82, number 14, July 1815.
6. *Jourdain A.* On Persian language and literature // *Vestnik of Europe*, part of 82, number 15, August 1815.
7. *Ripke J.* History of Persian and Tajik literature. M., 1970.

29 января 2017 г.
